

Гелинада ГРИНЧЕНКО

ПРЕЗЕНТАЦИЯ «ГОЛОСОВ»: РАССКАЗЧИК(И) VS ИССЛЕДОВАТЕЛЬ(И)

Одной из важнейших составляющих устноисторического исследования, наряду с подготовкой, непосредственной записью и анализом интервью, является презентация результатов проекта. В данной статье речь пойдет об основных проблемных точках соотношения «голоса» рассказчика и «голоса» исследователя при презентации результатов устноисторического исследования, а именно при представлении этого результата в виде публикации — сборника устных историй.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество способов обнародования результатов устноисторического исследования. Это могут быть (кроме собственно книги) — различного рода выставки, документальные фильмы, радиопередачи, интернет-проекты, спектакли и т. д. Каждый из этих способов презентации имеет свою специфику, которая, главным образом, обусловлена так называемым «преимуществом восприятия»: либо видео- или аудиоинформации, и тогда мы непосредственно можем слышать и видеть рассказчика, воспринимать его «историю» во всем богатстве ее перформативного представления; либо информации, заключенной в печатном тексте, которая представляет собой результат опосредованного перевода в знаковую систему сложной и богатой полифонии интервью.

В данной статье, которая в большей степени предполагает постановку проблемы, нежели ее «комплексное» решение, я остановлюсь именно на публикациях как наиболее распространенном и, в то же время, наиболее проблематичном способе введения в публичное пространство записанных и растекстованных устных историй. В своих рассуждениях я буду опираться на принципы классификации и «жанры» устных историй, сформулированные в работе А. Портелли¹, а также на некоторые положения общетеоретического характера, изложенные в исследованиях специального раздела одной из последних капитальных хрестоматий по устной истории². Каждый из предложенных в данной статье подходов к презентации результатов устноисторического проекта, а также вопросы соотношения «голоса» рассказчика и «голоса» исследователя будут проиллюстрированы примерами изданий, которые выходили как в Украине, так и за ее пределами. Следует отметить, что в рамках данной статьи не предполагается критика или оценка степени репрезентативности тех или иных опубликован-

ных материалов, в ней планируется осветить вариативность представления результатов устноисторических исследований и, по возможности, сформулировать узловые пункты вероятной в дальнейшем дискуссии о преимуществах того или иного подхода к публикации устных интервью. Еще раз подчеркну, что предлагаемые в статье классификационные параметры и разнообразие подходов внутри каждого из них будут рассмотрены преимущественно на примере публикаций сборников устных историй. Монографические исследования и статьи, в которых так или иначе представлены результаты анализа устных историй, в данном случае рассматриваться не будут.

Итак, предложенные в названных выше работах известных устных историков параметры, по которым могут быть классифицированы предлагаемые к публикации или уже опубликованные результаты устноисторических проектов, включают в себя: 1) границы или пределы публикуемых нарративов рассказчиков; 2) взаимоотношение «голосов» этих рассказчиков с «голосом» исследователя; 3) ориентацию на ту или иную аудиторию читателей. Каждая из этих классификационных рамок объединяет несколько подходов к презентации результатов устноисторического проекта, и, соответственно, несколько путей решения того, каким образом в опубликованных результатах исследования представлены «голоса» рассказчиков и исследователя.

Первый параметр — границы или пределы публикуемого нарратива — касается презентации голосов непосредственных рассказчиков (тех, кого мы интервьюируем) и предполагает ответ на следующие вопросы: чьи именно «голоса» будут представлены в издании; сколько устных историй будет включать публикация; каким образом эти истории будут разбиты на части и в соответствии с каким принципом объединены вместе.

Очевидно, что решение первого вопроса — условно «чьи голоса» представлены в издании — определяется тематикой проекта, которая, в свою очередь, может быть ориентирована на изучение одной единственной истории (чаще всего — автобиографии), или нескольких устных историй преимущественно отдельного тематического характера. Несомненными тематическими приоритетами публикаций устных историй в Украине является трагедия Голодомора 1932–1933 гг. и участие украинцев во Второй мировой войне. Так, в первом корпусе работ ведущее место после первой в Украине тематической публикации устных историй «Трансформация гражданского общества. Устная история украинской крестьянской культуры 1920-х—1930-х годов»³ занимает многотомный проект Киево-могилянской академии «Украинский Холокост 1932–1933: свидетельства тех, кто выжил»⁴. Устная история Голодомора представлена также и результатами локальных и региональных научно-документальных проектов, которые предлагают читательскому вниманию масштабную картину субъективного видения катастрофы уничтожения населения голодом, который в 1932–33 гг. охватил практически все регионы советской Украины⁵. В свою очередь, тема Второй мировой войны представлена устноисторическими публикациями об участии украинцев на ее фронтах, о пребывании в плену и оккупации, в советском тылу и на принудительных работах в нацистской Германии⁶. Однако, к сожалению, далеко не все собранные методом устной истории воспоминания по этой теме в дальнейшем публикуются отдельными

сборниками, большая часть «устных историй о войне» хранится в частных архивах исследователей, общественных организаций, научных институтов и вузов. Примечательно, что в этих, равно как и в других устноисторических инициативах, государственные архивы участия практически не принимают, а собранные коллекции устных историй крайне редко пополняют их фонды.

Второй вопрос в рамках классификационного параметра границ или пределов публикуемого нарратива затрагивает проблему количества интервью, предполагаемых к публикации в рамках запланированного сборника устных историй, а также способа их упорядочивания в рамках той или иной публикации. В общем и целом способов упорядочивания устных историй может быть два: истории могут быть представленными в виде отдельных монологов, а могут быть скомпонованы в виде коллажа. И монологи, и коллажи, в свою очередь, могут быть объединены в соответствии с тематическим или хронологическим принципом, представляя при этом подборку либо схожих, типичных, либо контрастных, амбивалентных случаев. В качестве примера монологического подбора устных историй назовем два сборника, позиционирующих себя как устноисторические: «История одной фотографии. Попытка самопрезентации»⁷ и «Устная женская история. Возвращение»⁸. Так, в первом из указанных сборников, изданном сотрудниками женского центра «Наследие», собраны устные истории женщин из разных регионов Украины возрастной категории 70–90 лет, которые пережили кризисные общественно-политические ситуации в советский и переходный период. Следующий сборник, изданный в рамках деятельности этого же центра, объединил устные истории женщин, которые в годы Второй мировой войны принимали активное участие в национально-освободительном движении на территории Украины и всю жизнь оставались пылкими патриотками своей страны, активными участницами культурной и общественной жизни Украины. Следует добавить, что данные два сборника являют собой редкий случай публикации автобиографических интервью, в то время как подавляющее большинство сборников устных историй предлагают читательскому вниманию подборку тематических (проблемных, лейтмотивных) интервью.

В качестве примера подбора и публикации интервью в виде коллажа типичных случаев назовем сборник-каталог выставки «Трещина через всю жизнь. Воспоминания украинских принудительных работниц в земле Рейнланд»⁹. В этот сборник вошли истории десяти украинских женщин, в чьих жизнях глубокий след оставили годы, проведенные на принудительных работах в нацистской Германии. При всей уникальности каждого отдельного жизненного опыта рассказчиц, их собранные в сборнике истории объединяет общая, типичная для них «линия разлома»: «для многих из них после возвращения из Германии нормальной жизни в том значении, в котором ее понимали их соотечественники, больше не существовало. Бездетность, несчастливое, временами позднее замужество, одиночество в старости ожидали женщин, которые в мирной жизни на родине надеялись совсем на другое»¹⁰. В свою очередь, примером подбора интервью в виде монологических контрастных случаев можно назвать два сборника, посвященных той же самой теме — пребыванию на принудительных работах в нацистской Германии¹¹, однако, в отличие от вышеназванной публикации, скомпонованных

таким образом, чтобы дать возможность читателю познакомиться с разными, иногда диаметрально противоположными оценками и суждениями о схожем в своей основе опыте. И, наконец, примером хронологически-тематического подбора устных историй может служить уже названный выше первый в Украине сборник устных историй «Трансформация гражданского общества»¹², в котором подобранные в разделах отрывки из устных историй каждый аспект (тему) соответствующей трансформации отображают в ее динамике, «до» и «после» коллективизации.

Следующий параметр классификации предлагаемых к публикации или уже опубликованных результатов устноисторических проектов включает в себя проблему существования и взаимоотношения «голосов» рассказчиков с «голосом» исследователя. Другими словами — степень баланса между устным рассказом и собственно «историей» как результатом аргументаций, доказательств, научного анализа исследователя. Первый вопрос, возникающий в рамках данного параметра, касается репрезентации диалога между исследователем и рассказчиком в его коммуникативной и перформативной специфике. Этот вопрос — как мне кажется — не может быть разрешен путем поиска и усовершенствования нотационных систем, то есть тех или иных способов передачи в письменной (знаковой) форме устного диалога. Не является это также и вопросом качества толкования, то есть тех интерпретационных усилий, которые предпринимает исследователь в поиске оптимального стиля репрезентации состоявшегося диалога. Здесь главная проблема заключена в социальных отношениях, конституирующих устный диалог, отношениях, которые никакая книга — публикация устных интервью — отобразить не может. Это отчуждение от источника, которое является неотъемлемой частью публикуемых интервью, влечет за собой ситуацию, в которой следует говорить не о попытках репрезентации коммуникативной (тем более перформативной) ситуации интервью, а лишь о ее индексировании. Индексирования путем включения или не включения вопросов и реплик исследователя, которые направляют, стимулируют, поддерживают рассказ партнера по интервью. В качестве примера публикации «цельных» текстов устных историй, которые, за чрезвычайно редким исключением, поданы без зафиксированных вопросов и реплик интервьюера, можно назвать уже упомянутые выше публикации женского центра «Наследие», а также проект «Украинский холокост». Основная же масса опубликованных устных историй содержат вопросы и реплики исследователя, индексирование которых очень разнообразно, но общий принцип един — вопросы исследователя выделяются: курсивом, шрифтом, иными графическими способами.

Второй и, вероятно, главный вопрос, возникающий в рамках параметра соотношения «голосов» рассказчика и исследователя, касается цели (а точнее иерархии целей), которые ставит перед собой исследователь, готовящий устные интервью к публикации. Эти цели могут переплетаться, сочетаться одна с другой, но в самом общем виде их может быть три: введение в публичное пространство новой (то ли ранее запрещенной, то ли ранее невостребованной) информации; ознакомление аудитории с точкой зрения исследователя в виде представляемых результатов проведенного им анализа, где интервью служат аргументом или иллюстрацией выводов исследователя; публикация

просто интересной и неординарной в широком понимании истории или историй. В этих случаях «голос» и «власть» исследователя реализуется как в редактировании интервью (определении границ или пределов публикуемого нарратива, о которых говорилось ранее), так и в контекстуальной информации, которая предлагается в виде некоего фона или условия (background) публикуемых устных историй. Этой контекстуальной информацией могут быть: различного рода комментарии, которыми (чаще всего в виде сносок) сопровождается каждое интервью; прологи или эпилоги (вступительные или заключительные статьи) всего сборника; оформление каждой части или главы сборника текстом исследователя; публикация в сборнике соответствующих тематике устных историй иных документов и материалов, а также исследовательских статей. Следует подчеркнуть, что именно решение о количестве контекстуальной информации, которое принимает исследователь при подготовке к публикации текстов устных историй, будет, в конечном счете, определять баланс «голосов» и, главное, станет решающим моментом в вопросе о том, кого читатель воспримет «автором» сборника: рассказчиков или исследователя.

Показательным примером сбалансированной контекстуальной информации в виде комментариев к интервью и исследовательских статей, в которых предложен анализ устных историй, может служить сборник «Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества»²³. Попытка соблюдения репрезентативного равновесия между «голосами» участников публикации (рассказчиков и исследователей) была реализована путем размещения текстов интервью и исследовательских статей в разных разделах сборника с пояснением во вступлении используемой композиционной логики: «Публикация полных текстов интервью, как мы полагаем, позволяет, с одной стороны, познакомиться с тем, что рассказывают и как понимают блокаду наши респонденты, вводит в оборот новый, не использованный ранее круг источников, а с другой — дает возможность самому читателю заглянуть в мастерскую исследователей, согласившись или, наоборот, оспорив их интерпретации, представленные в этой книге»²⁴. В свою очередь, вступительные статьи к сборникам устных историй могут не только содержать информацию о проекте, в рамках которого происходили подготовка, запись и анализ устных историй, аргументировать схему построения сборника и знакомить читателя со способами представления полных текстов или отрывков интервью. Эти статьи могут быть построены по принципу «исторической справки» о проблеме, которой посвящены устные истории²⁵, или «введения в теорию и практику» устной истории как особого метода социогуманитарного исследования²⁶.

Помимо комментариев к интервью, а также прологов и эпилогов к сборникам, контекстуальной информацией как «фоном» и «условием» восприятия устных историй могут выступать соответствующие общему лейтмотиву устных историй документы и материалы, а также исследовательские тексты, обрамляющие тематически подобранные отрывки интервью. Таким примером «контекстуального обрамления» может быть назван принцип размещения отрывков из интервью в сборнике «Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка»²⁷, в котором отрывки устных историй сгруппированы по темам, каждая из

которых предваряется ее обоснованием, а также краткой характеристикой отдельных сюжетов.

И, наконец, последний параметр, по которому могут быть классифицированы публикуемые результаты устноисторических проектов, предполагает ориентацию сборника на ту или иную аудиторию читателей. Иными словами, ответ на вопрос — кому рассказываются истории в данной книге. С определенной долей условности таких целевых аудиторий может быть три: та, которую принято называть «широким кругом читателей»; научное сообщество в целом; сообщество коллег — представителей той или иной дисциплины, в частности. В последних двух случаях речь, чаще всего, идет о публикации в специальных академических журналах, в качестве примера которых можно назвать тематические, посвященные исключительно устной истории, номера журналов «Україна модерна» (№ 11, 2007) и «Схід/Захід» (№ 11–12, 2008). В них растекствованные интервью были опубликованы наряду со статьями ученых — представителей разных дисциплин, практикующих в своей исследовательской практике метод устной истории. Что касается публикаций устных историй, рассчитанных на широкий круг читателей (о них, в основном, и шла речь в этой статье), то их отбор и тематическая направленность в своем подавляющем большинстве соответствуют одному из первых лозунгов устноисторического движения. А именно: вернуть или предоставить право голоса тем людям, чей опыт и жизненные истории в советскую эпоху были забыты, непопулярны или вовсе запрещены к трансляции и вынесению в публичное пространство. При этом, однако, расширение тематического спектра записываемых рассказов, публикация не только «забытых» и «вытесненных», а просто интересных и увлекательных устных историй еще только впереди.

²³ Portelli A. Oral History as Genre//Narrative and Genre/Ed. by M. Chamberlain and P. Thompson. London; New York, 1998. Pp. 23–45.

²⁴ Handbook of Oral History/Edited by T. L. Charlton, L. E. Myers, and R. Sharpless; with the assistance of L. R. Ballard. Lanham, MD, 2006.

²⁵ Нолл В. Трансформація громадянського суспільства. Усна історія української селянської культури 1920–30 років. К., 1999.

²⁶ Український голокост 1932–1933: Свідчення тих, хто вижив. Т. I—VII/[упоряд. о. Ю. Мицик]. К., 2003–2010.

²⁷ В качестве примера см.: Голодомор 1932–1933 років на Черкащині. Книга пам'яті в документах та спогадах. Черкаси, 2007; «Столиця відчаю»: Голодомор 1932–1933 рр. на Харківщині вустами очевидців. Свідчення, коментарі/Упор.: Т. Поліщук. Харків; Нью-Йорк; Львів, 2006.

²⁸ Мы победили смерть: Воспоминания харьковчан — бывших узников фашистских концлагерей/Коллект. автор. Львов, 2005; По ту сторону войны/Михайлов Н., Кузьменко Н. и др. Запорожье, 2005; Невигадане: Усні історії оstarбайтерів/Автор-упоряд., ред., вступ. ст. Г. Г. Гринченко. Харків, 2004; «То була неволя...» Спогади та листи оstarбайтерів. К., 2006; «Прошу вас мене не забувати»: усні історії українських оstarбайтерів/Г. Гринченко (гол. ред.), І. Ястреб, О. Стасюк та ін. Харків, 2009.

⁷ *Історія однієї фотографії: спроба самопрезентації/Упоряд., ред., вступ. ст. Г. І. Дацюк. К., 2007.*

⁸ *Усна жіноча історія. Повернення: Історіографія сільських жінок в контексті суспільно-історичних факторів радянського і перехідного періодів. К., 2003.*

⁹ *Трищина через все життя: спогади українських примусових робітниць в землі Райнланд: каталог до виставки. Кьольн, 2007.*

¹⁰ *Там же. С. 21.*

¹¹ *Невигадає: Усні історії остарбайтерів...; «Прошу вас мене не забувати»...*

¹² *Нолл В. Трансформація громадянського суспільства...*

¹³ *Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования/Под ред. М. В. Лоскутовой. — М., 2006.*

¹⁴ *Там же. С. 13.*

¹⁵ *Грінченко Г., Пастушенко Т. Українські остарбайтери нацистської Німеччини: депортація, примусова праця, репатріація//«Прошу вас мене не забувати»... С. 9–56.*

¹⁶ *Грінченко Г. Усна історія — теорія, метод, джерело//Невигадає: Усні історії остарбайтерів... С. 10–32.*

¹⁷ *Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка/[науч. ред. Е. А. Мельникова]. СПб., 2005.*

Gelinada GRINCHENKO

PRESENTING "VOICES": THE TELLER VERSUS THE RESEARCHER

The article is devoted to the questions of correlation the "voices" of the teller and researcher in published oral histories. The first question of the presentation of "voices" is concentrated on the tellers and their interviews and is connected to the decision of compiler of oral history book: who will speak in the book, how many voices will be included and how they will be broken down and put together. The second question of the presentation of "voices" concerns the relationships of the voice(s) of the teller(s) with the voice of historian, where the place and "power" of the voice of historian are realized in the editing of oral texts and in the presence of contextual information to be providing for the readers as the background to interviewers' accounts. Finally the third part of the question of the presentation of "voices" raises the problem of the audience of such type a book and the decision have to be made by the researcher: to whom his book should speak.

Усноісторичні проекти: досвід організації та проведення

Алексей ГОЛУБЕВ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ТУРИЗМА В ФИНЛЯДИЮ В 1950–1991 гг.

В конце 2004 г. в Петрозаводском государственном университете на базе кафедры истории стран Северной Европы был основан Центр устной истории. Географическая специфика и кафедры, и в целом Республики Карелия — региона, в котором работает коллектив Центра, — обусловили повышенный интерес к приграничной и международной проблематике в наших исследованиях. В 2006–2007 гг. сотрудниками центра был осуществлен проект по сбору воспоминаний о финской оккупации Карелии, причем наибольшее внимание уделялось повседневной жизни местного населения. В 2005–2007 гг. сотрудники центра участвовали в проекте по сбору воспоминаний североамериканских финнов — представителей большого иммиграционного потока из США и Канады в советскую Карелию в начале 1930-х гг., этнических финнов, социалистов и коммунистов по политическим взглядам. Оба проекта завершились публикацией сборников интервью и научных статей на данные темы¹.

В то же время сотрудники центра в своей исследовательской деятельности занимаются и традиционной для устной истории тематикой — взаимоотношениями власти и общества и социальной историей. Именно эти темы легли в основу двух других сборников, опубликованных Центром в 2006 и 2008 гг. Оба сборника были подготовлены в рамках гранта РГНФ «Предвоенное и послевоенное десятилетия: трансформация культуры сквозь призму повседневных адаптивных практик (БССР, КФССР)». В сборнике 2006 г. рассматривались вопросы повседневной жизни, изменения культурных практик и диалога общества с властью на примере Карелии, а в 2008 г. мы совместно с коллегами из Беларуси подготовили и опубликовали сборник интервью и исследований, рассматривающий те же вопросы, но уже в сравнительной перспективе². Таким образом, в течение 2006–2008 гг. в рамках основанной нами серии «Устная история в Карелии» вышло четыре выпуска. Эти книги в полнотекстовом формате, а также информация о нашем центре доступны в Интернете на веб-сайте нашего центра по адресу: <http://oralhist.karelia.ru>

К 2009 г. все основные проекты, в которых были задействованы сотрудники центра, были завершены, и перед нами встал вопрос о направлениях дальнейшей исследовательской работы. К этому времени у нас были определенные наработки